

Российско-японские отношения на рубеже веков: закономерности, маршруты, лидеры

Олег Геннадьевич Парамонов, МГИМО, Москва, Россия

Контактный адрес: paramonov_og@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу причин, в силу которых у Токио в период после завершения холодной войны возникло осознание необходимости пересмотра выработанной в предшествующие десятилетия «жесткой линии» в отношении с Москвой. Еще в период, предшествующий распаду СССР, Токио не скрывал своих намерений использовать тяжелую социально-экономическую ситуацию в СССР (а затем и в России) с целью получения территориальных уступок. Даже тогда повестку российско-японского диалога определяла скорее российская сторона, что во многом было связано и с серьезными ошибками японских политиков. После начавшегося в 2000-х гг. неожиданного для Запада и Японии выхода России из состояния экономической и политической турбулентности новые надежды Токио были связаны с уступками по «территориальному кейсу» из-за заинтересованности России в японских инвестициях, технологическом сотрудничестве (прежде всего с целью развития Дальнего Востока и прилегающих к нему территорий). Однако и здесь Токио ожидало фиаско. Японская внешняя политика в отношении России до прихода в конце 2012 г. «эпохи Абэ» демонстрировала «реактивный» характер, да и в дальнейшем громкие инициативы Токио, связанные с российско-японской повесткой, часто оказывались старыми предложениями Москвы, и благоприятные моменты для их реализации были в значительной степени упущены.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

российско-японские отношения, евразийская дипломатия, Южные Курилы, «два плюс альфа»

Введение

В 1996 г. были опубликованы воспоминания выдающегося советского, российского дипломата, историка-востоковеда С.Л. Тихвинского, принимавшего личное участие в процессе нормализации советско-японских отношений во второй половине 1950-х гг., в том числе в качестве главы советского представительства в Токио. В послесловии к книге «Россия – Япония. Обречены на добрососедство» С.Л. Тихвинский высказал мнение, что постепенное развитие добрососедских отношений между двумя странами в самых широких областях – внешней торговле, научных, образовательных, культурных обменах, в обеспечении региональной безопасности, а не форсировании переговоров вокруг Южных Курил – создаст предпосылки и к решению проблемы мирного договора¹.

В данной работе предполагается выявить базовые закономерности, сложившиеся в российско-японских отношениях на протяжении почти тридцатилетнего периода после распада СССР, отразить изменения траекторий их эволюции, выявить их возможную преемственность с периодом холодной войны, взглянуть на результаты использования Токио такого инструмента, как «интернационализация» своих территориальных претензий к Москве. Также будет рассмотрено влияние личностного фактора на характер отношений Москвы и Токио.

В качестве хронологических рамок данного исследования выбран период с 1991 по 2020 г. Выбор нижней границы обусловлен тем обстоятельством, что в условиях системной трансформации международных отношений, связанной с распадом одной из двух сверхдержав, возникли ожидания сближения «новой России», заявлявшей о себе как о части «демократического мира», с Японией. Предполагается в некоторых случаях и обращение к периоду холодной войны, что связано с одной из исследовательских задач. Верхняя хронологическая граница исследования определена исходя из вступления в силу в июле 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации, касающихся в том числе гарантий защиты территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации. Кроме того, состоявшаяся в сентябре 2020 г. досрочная отставка С. Абэ с поста премьер-министра Японии фактически подвела черту под наиболее масштабной попыткой сближения двух стран.

Обзор литературы

Представляется важным отметить, что в период 1990-х гг. в российском японоведении имело место такое явление, как поляризация экспертного сообщества на два условных лагеря: сторонников скорейшего заключения мирного договора с Японией на условиях, предполагавших и серьезные уступки в адрес Токио, и наличие приверженцев безусловного сохранения не только территориального, но и более широкого статус-кво в отношениях с Японией, видевших в Токио прежде всего «младшего» союзника Вашингтона. При этом многие из отечественных японоведов являлись общественными деятелями и знаковыми медийными фигурами, а ведущаяся между ними полемика оказывала влияние на

1 Тихвинский 2006.

политизацию российско-японской повестки. Заметна была некоторая избыточная сосредоточенность авторов публикаций по тематике российско-японских отношений на обсуждении исторических и международно-правовых оснований принадлежности Южных Курил к СССР / России.

Вместе с тем во второй половине 1990-х гг. в российско-японских отношениях постепенно, как и предполагал С.Л. Тихвинский, начинает формироваться более широкая, «двухтрековая» повестка, включающая, помимо обсуждения проблемы пограничного размежевания, диалог по вопросам экономического сотрудничества, обсуждение региональных вызовов. Одним из первых эту тенденцию отметил А.В. Загорский¹.

После завершения к середине 2000-х гг. периода некоторой турбулентности в российской внешней и внутренней политике возникли предпосылки для более взвешенного и широкого взгляда на отношения между СССР / Россией и Японией. В связи с этим знаковым событием стал выход работы А.Н. Панова, имеющего ценный опыт совмещения активной научной деятельности и дипломатической работы в качестве посла России в Японии (1996–2003)². Еще одна работа А.Н. Панова, написанная в форме воспоминаний о дружбе с представителями одной из наиболее ярких политических династий Японии, с которой непосредственно связана история нормализации советско-японских отношений в 1955–1956 гг., во многом нацелена и на понимание глубинной природы подходов Токио к отношениям с Москвой в период после завершения холодной войны³.

В ноябре 2013 г. в Токио состоялась первая российско-японская встреча в формате «два плюс два» (министры иностранных дел и обороны). Обсуждение проблем региональной безопасности начинает становиться важным элементом российско-японской повестки. На это знаковое обстоятельство обращает внимание Д.В. Стрельцов в вышедшей в 2015 г. монографии, посвященной исследованию региональных приоритетов Японии в сфере внешней политики⁴.

В том же году выходит в свет под редакцией С.В. Гришачева первое в истории советского и российского японоведения учебное пособие по истории отношений между Россией и Японией, охватывающее период с XVIII в. Авторам данного издания удалось решить уникальную задачу, выпустив работу, адресованную не только студентам-японоведам, но также представляющую значительный интерес для специалистов и широкого круга читателей⁵. С.В. Гришачев, так же как А.А. Киреева⁶, В.В. Нелидов⁷, являются представителями «постбиполярного» поколения российских японоведов.

Рассмотрению подходов Японии к проблеме территориального размежевания, в том числе в контексте анализа исторических предпосылок к ее возникновению, посвящена опубликованная в 2018 г. монография В.В. Кузьминкова⁸. Автор отмечает, что в условиях доминирования в Токио сторонников «жесткой

1 Zagorsky 1999.

2 Панов 2007.

3 Панов 2010.

4 Стрельцов 2015.

5 Гришачев 2015.

6 Dian, Kireeva 2021.

7 Нелидов 2019.

8 Кузьминков 2018.

линии» в отношении Москвы и среди них в японском политическом дискурсе имеются заметные разногласия, связанные, например, с их взглядами на перспективы отношений Японии и СССР / России в целом, а также весьма широко представлены точки зрения, которые можно рассматривать как альтернативные по отношению к «жесткой линии».

Большой интерес представляет вышедшая в 2019 г. коллективная монография А.Н. Панова, Д.В. Стрельцова, К.О. Саркисова, в которой отношения между Японией и Россией рассматриваются как в контексте регионального, так и глобального измерения внешней политики Токио¹.

А. Буха, уже длительное время работающего в Японии, можно рассматривать в качестве условного связующего звена между современным отечественным и зарубежным японоведением, поскольку его «семейные корни» связаны с СССР, чем, вероятно, в значительной степени и объясняется его интерес к российско-японским отношениям. В вышедшей в 2009 г. работе А. Буха впервые была принята попытка дать интерпретацию подходов Японии к России с точки зрения национальной идентичности². В данной работе автор отмечает значительное уменьшение восприятия России в Японии в качестве угрозы, имевшее место примерно с 1997 г. Этому способствовали как появление актуальных вызовов для Японии, связанных с ракетно-ядерной программой КНДР и с возвышением Китая, так и конкретные действия, предпринятые в тот период российским руководством, в результате чего утвердилось понятие о «новой России» как о стране, движимой не идеологией, а требованиями политического «реализма», что и вызвало общий позитивный настрой в отношении «новой России» в японских политических дебатах³.

Здесь также важно упомянуть и вышедшую в 2009 г. статью американского эксперта Дж. Фергюсона, в которой рассматривается происходившая в 1996–2007 гг. (с некоторыми паузами) активизация диалога России и Японии в контексте предшествующих попыток сближения. При этом автор не ограничивается периодом после завершения Второй мировой войны, а идет значительно дальше, ко временам сближения «вчерашних врагов» после подписания в 1905 г. Портсмутского мирного договора.

Что касается вызвавшего значительный резонанс на Западе сближения Москвы и Токио, начавшегося накануне президентских выборов в США 2016 г., то о его причинах размышляет Г. Розман⁴. По его мнению, стремление С. Абэ к развитию отношений с Россией, продемонстрированное после его возвращения в 2012 г. на пост премьер-министра Японии, не следовало сводить только к решению геополитических задач, связанных, например, с китайским фактором. Он полагает, что мотивы С. Абэ были связаны с намерением избавить Японию от восприятия ее региональными соседями, и в мире в целом, как «побежденной страны». По мнению Г. Розмана, если в 2001 г. российское руководство еще могло рассматривать развитие отношений с Японией как способ сбалансировать

1 Панов 2019.

2 Bukh 2011.

3 Ibid.

4 Rozman 2017.

чрезмерную ориентированность азиатского вектора своей внешней политики на Китай, то от подобных иллюзий оно окончательно избавилось уже к середине 2000-х гг. Согласно точке зрения исследователя, стремительный подъем Китая полностью обесценил региональный потенциал Японии.

Т. Барретт, занимающаяся преподавательской деятельностью в Японии, указывает на то обстоятельство, что природно-техногенная катастрофа 11 марта 2011 г. стала серьезным фактором роста заинтересованности Японии в развитии энергетического сотрудничества с Россией¹. Кроме того, в фокусе ее исследования находится проблема использования японскими политиками территориальных претензий к России для получения внутривнутриполитических дивидендов. По ее мнению, этим особенно часто пользовался Дз. Коидзуми в период своего пребывания на посту премьер-министра (2001–2006). Впрочем, и ставший в 2009 г. премьер-министром Ю. Хатояма, с которым были связаны новые надежды на улучшение российско-японских отношений, о чем писал и А.Н. Панов, в ходе своей избирательной кампании и после ее окончания был вынужден учитывать взгляды избирателей Хоккайдо, для которых вопрос так называемых «Северных территорий» является крайне чувствительным. По мнению эксперта, и российская сторона использовала «курильский кейс» для решения внутривнутриполитических задач, однако Т. Барретт настаивает на том, что именно действия японских политиков правоконсервативных и националистических взглядов оказывали разрушительное воздействие на перспективу достижения компромисса в отношениях между Москвой и Токио.

Применительно к российско-японским отношениям Д.В. Стрельцов и А.Л. Лукин для решения исследовательских задач считают целесообразным использовать комбинацию теоретических подходов, основанных на неореализме и конструктивизме. В данном исследовании также предполагается применить подобный инструментарий. Акторами здесь являются национальные государства, при этом Япония и США также являются участниками договора безопасности. Намерение Японии сделать свои претензии к СССР частью международной повестки в период холодной войны, используя такой институт, как «Группа семи», давало ей определенные надежды, которые после завершения эпохи межблокового противостояния постепенно превратились в поводы для разочарования в своих западных партнерах. В настоящее время в условиях отсутствия механизма коллективной безопасности в Восточной Азии национальные государства и альянсы с участием США оказывают ключевое влияние на региональную стабильность². При этом Япония, традиционно опиравшаяся на такой институт, как союз безопасности с США, в условиях ослабления военно-политических возможностей своего союзника также вынуждена становиться государством, способным «постоять за себя». Территориальные уступки со стороны России, на которых настаивают в Токио, могут рассматриваться Японией в качестве ресурса для увеличения собственного регионального влияния.

1 Burrett 2014.

2 Восточной Азии необходима система коллективной безопасности, заявили в МИД // РИА НОВОСТИ. 5 декабря 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20171205/1510280657.html> (дата обращения: 20.07.2021).

В период после завершения холодной войны, как упоминалось выше, начался процесс отказа Токио от взгляда на Москву как на источник военной угрозы. Принцип доверия, без которого, в соответствии со взглядами конструктивистов, невозможно полноценное международное сотрудничество, в конце 1990-х гг. был официально заявлен Токио в качестве базового принципа для улучшения отношений с Москвой. Впрочем, реализация этого принципа сильно зависела от личностного фактора в японской политике, и лишь некоторые из японских премьер-министров (в частности, Р. Хасимото, Е. Мори и С. Абэ) придавали действительно большое значение выстраиванию подлинно доверительных отношений как на личном уровне, так и между представителями бизнеса и общественности. Москва при этом прилагала значительные усилия в этом направлении еще во времена М. Горбачева.

Новая Россия и Япония

Перед тем как рассматривать постсоветский период отношений между Москвой и Токио, важно отметить, что помощь, оказанная Японией США в холодной войне, является скорее недооцененной. В 1970-х гг. руководство СССР было вынуждено учитывать риски выстраивания антисоветского треугольника Вашингтон – Токио – Пекин. Япония активно участвовала в политической изоляции и санкционной «блокаде» СССР после ввода советских войск в Афганистан. Решительность Я. Накасонэ, занимавшего пост премьера Японии в 1982–1987 гг., свидетельствовала о готовности Японии к участию в консолидированной стратегии Запада по отношению к СССР, в частности о возможности контроля Сил самообороны над стратегически важными морскими коммуникациями, чтобы не допустить прохода в Тихий океан советских подводных лодок в случае военного кризиса.

Вместе с тем к числу выгодоприобретателей от победы Запада в холодной войне Японию можно было отнести с большой натяжкой. Общий оптимизм западных партнеров, видевших в России новую (не только по геополитической конфигурации и численности населения, но и «по сути») страну, в Японии не разделяли. Хотя распад СССР способствовал росту ожиданий территориальных уступок, четкой стратегии у Токио в отношении России не было. Этому способствовал целый ряд как внутренних, так и внешних причин. Здесь следует упомянуть начавшуюся в последнем десятилетии прошлого века затяжную экономическую рецессию в Японии и связанную с этим серьезную волатильность в японской политике. Распад СССР привел к исчезновению идеологической основы для конкуренции между правящей Либерально-демократической партией (ЛДП) и главной на тот момент оппозиционной силой страны – Социалистической партией Японии¹.

К внешним факторам можно отнести возвышение Китая, которое во многом состоялось благодаря финансовой, технологической и другим видам помощи со стороны Японии, предоставленной в период холодной войны. Вниматель-

1 Стрельцов, Лукин 2017.

но наблюдали из Токио и за нормализацией отношений Москвы и Пекина: этот процесс был запущен в 1989 г. после визита М. Горбачева в Китай. Не внушал оптимизма Токио и приход в 1993 г. в Белый дом администрации Б. Клинтона, поскольку отношения с США в периоды президентства кандидатов от демократических партий складывались обычно намного сложнее, чем при президентах-республиканцах.

Что касается непосредственно российско-японских отношений, то здесь у России, несмотря на утрату статуса сверхдержавы, сохранились инструменты для влияния на весьма чувствительные для Токио вопросы. Так, в условиях системной трансформации международных отношений мог стать актуальным вопрос реформирования ООН, включая расширение состава постоянных членов Совета Безопасности. Здесь очевидны параллели с ситуацией, возникшей в середине 1950-х гг., когда необходимость получения согласия СССР на вступление Японии в ООН заметно усилила в Токио позиции сторонников скорейшей нормализации отношений с Москвой.

Следует упомянуть и о весьма драматичном вопросе российско-японской повестки, который, к сожалению, до сих пор не утрачивает актуальность. Речь идет об уточнении мест захоронения японских военнопленных, скончавшихся по различным причинам, в том числе из-за тяжелых условий содержания, на территории СССР в первом послевоенном десятилетии¹. Япония постоянно подчеркивала заинтересованность в уточнении местонахождения подобных захоронений, а также в их переносе в Японию. Еще в середине 1960-х гг. японское правительство обратилось к правительству СССР с просьбой о розыске мест захоронений японских военнослужащих. В апреле 1991 г. в Токио было подписано межправительственное соглашение о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных, в соответствии с которым Москва взяла на себя обязательства содействовать Японии в поисках и возвращении на родину останков военнопленных². В Японии опасались, что тяжелая экономическая ситуация существенно затруднит для российской стороны выполнение данного обязательства, и были заинтересованы в использовании любой диалоговой площадки в целях совместной работы по данному направлению.

Что касается надежд Токио на уступки со стороны Москвы по так называемой «территориальной проблеме», то определенный оптимизм у Токио в отношении руководства новой России могло вызывать следующее обстоятельство. Еще в январе 1990 г. в качестве народного депутата Верховного Совета СССР Б. Ельцин посетил Японию и выдвинул «поэтапный план решения территориальной проблемы», реализацию которого предполагалось осуществлять в течение длительного срока (например, даже смены поколений). Хотя в целом план был признан в Токио неприемлемым, там могли оценить «смелость» российского политика³.

Последующие события вскоре покажут, что здесь имела место неверная оценка личностного фактора Б. Ельцина. В дальнейшем диалог с Японией будет

1 Подробнее см.: Катасонова 2003.

2 Эхо войны на Тихом океане. Япония не верит России // Рамблер. [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/other/42907946/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 11.08.2021).

3 Панов 2007, 52.

рассматриваться президентом Б. Ельциным и его администрацией прежде всего с точки зрения возможных внутренних имиджевых рисков. Так называемый «курильский вопрос» очень быстро стал важным фактором внутри России.

Так, руководство МИДа России, полагая, что возникли предпосылки к тому, чтобы разрубить гордые узлы дипломатии времен холодной войны, активно занималось разработкой и продвижением новых инициатив по японскому треку, не всегда согласовывая их с первым президентом России Б. Ельциным. Результатом данной работы станет появление формулы «два плюс альфа», предусматривающей заключение мирного договора с Японией и передачу ей Шикотана и Хабомаи, а также обсуждение вариантов дополнительных уступок со стороны России, касающихся двух «больших островов» (Кунашир и Итуруп).

В марте 1992 г. состоялась поездка в Японию главы внешнеполитического ведомства А. Козырева, заявленной целью которой являлась подготовка визита в Японию Б. Ельцина. В ходе встречи А. Козырева с главой МИД Японии М. Ватанабэ японской стороне (как было подтверждено в интервью от 2012 г. участником данной встречи Г. Кунадзе, занимавшим тогда пост заместителя министра иностранных дел) было сделано предложение по урегулированию так называемой «территориальной проблемы» по формуле «два плюс альфа»¹.

Отклонив предложение А. Козырева, японская сторона выдвинула формулу «отложенного суверенитета», предполагавшую признание российской стороной японского суверенитета над островами Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, однако конкретные сроки и другие детали фактической передачи островов Японии должны были стать предметом последующего обсуждения. Здесь также можно провести параллели с ситуацией холодной войны, поскольку японский подход основан на идее «остаточного суверенитета», реализованной Вашингтоном в отношении Окинавы, ставшей в 1951 г. формально подмандатной территорией ООН, а фактически перешедшей под полный контроль американских военных. Вашингтон только в 1972 г. согласился с фактическим восстановлением суверенитета Токио над Окинавой. В Японии, впрочем, предпочитают вместо «отложенного суверенитета» использовать термин «формула Гонконга», чтобы избегать неприятных ассоциаций. В дальнейшем и «два плюс альфа», и идея «отложенного суверенитета» возвращались в российско-японскую повестку².

В Токио, исходя из потребности России в любых видах экономической помощи, включая продовольствие, а также на основе взглядов ряда влиятельных представителей российской общественности и академической сферы, могли ожидать, что вопрос передачи Южных Курил будет решен в ходе запланированного на 1992 г. визита президента в Японию. При этом японская сторона совершила серьезную тактическую ошибку, решив использовать старый и, как казалось, проверенный инструмент давления на Москву – интернационализацию своих претензий к России, добившись включения в политическое заявление Мюнхен-

1 Панов et al. 2019, 319–320.

2 Zagorsky 1999, 349.

ского саммита «Группы семи» пункта в пользу «полной нормализации японо-российских отношений посредством решения территориальной проблемы», связав с этим и предоставление России экономической помощи¹.

Этот шаг Токио вызвал сильное раздражение у приглашенного на саммит Б. Ельцина. 9 сентября 1992 г., за четыре дня до согласованной сторонами даты визита президента в Японию, российской стороной было объявлено о его отмене. Здесь присутствовало и намерение Б. Ельцина разыграть «патриотическую карту» в условиях возникновения предпосылок к конституционному кризису в России. Возникла затяжная пауза в российско-японских переговорах. Вместе с тем во время первого визита Б. Ельцина в Китай в декабре 1992 г. была подписана совместная декларация об основах взаимоотношений между странами, ряд соглашений, касающихся таких сфер, как ядерная энергетика, военно-техническое сотрудничество, что не осталось без внимания Токио.

Далее, под нажимом со стороны президента США Б. Клинтона Токио приглашит Б. Ельцина на саммит «Группы семи» в ноябре 1993 г., где будет согласована новая дата визита российского лидера в Японию, затем японская сторона снимет и свои возражения по вопросу полноформатного подключения России к деятельности данного форума. Забегая вперед, можно отметить, что после Украинского кризиса 2014 г. именно Токио станет главным сторонником возвращения России в эту структуру.

Новой датой визита Б. Ельцина в Японию было выбрано 11 октября 1993 г. Президент России надеялся извлечь максимальные репутационные выгоды посредством демонстрации западным лидерам восстановления своего политического авторитета у российской элиты. В сложившихся условиях отказ российского лидера от обсуждения принципиальных для Японии вопросов выглядел с точки зрения коллективного Запада, но не самого Токио, оправданным. Сразу после прибытия в Японию Б. Ельцин принес извинения за обращение с сотнями тысяч японцев, оказавшихся в советском плену в результате Второй мировой войны. В дальнейшем слова извинений были повторены во время аудиенции у императора Акихито, а также на встрече с представителями бизнес-сообщества².

Визит закончился подписанием ряда документов, в том числе двух базовых – Токийской декларации о российско-японских отношениях (далее – Токийская декларация) и Декларации об экономическом и научно-техническом сотрудничестве. Токийская декларация стала первым межгосударственным документом в истории отношений Москвы и Токио постсоветского периода. Вместе с тем необходимо уточнить принципиальную разницу между Московской декларацией 1956 г. (далее – Декларация 1956 г.) и двумя декларациями постсоветской эпохи – Токийской и Московской (1998), поскольку Токио впоследствии настаивал на их преемственности. В первом случае речь идет о документе международно-правового характера, в отношении которого Москвой и Токио применялись все необходимые ратификационные процедуры, предусмотренные международным

1 «Семерка не стала "восьмеркой"» // Российская газета – Федеральный выпуск № 156 (492). 9 июля 1992 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/gazeta/1992/07/09.html> (дата обращения 2.08.2021).

2 “Yeltsin, in Tokyo Limelight, Avoids Island Dispute,” The New York Times, October 4, 2003 (Archive), accessed April 4, 2021, <https://www.nytimes.com/1993/10/14/world/yeltsin-in-tokyo-limelight-avoids-islands-dispute.html>.

правом. Во втором случае речь идет о политических документах. По своему содержанию Токийская декларация является скорее паллиативным документом, позволившим российской стороне уклониться от формулировки внятной позиции насчет действенности Декларации 1956 г. Японская сторона также смогла «сохранить лицо», получив подтверждение того, что предметом переговоров являются четыре острова¹.

Хотя в Токийской декларации подтверждалась поддержка демократических преобразований и экономических реформ в России, в подходах Токио к отношениям с Россией сохранялся принцип «*иригутирон*» (решение проблемы на «входе»). Согласно этому принципу, так называемый «территориальный вопрос» является для Токио приоритетной темой повестки. Достижение выгодного для Токио варианта его разрешения ставилось в качестве условия для последующего оказания экономической и других видов помощи². Однако к середине 1990-х гг. Россия стала ориентироваться на сотрудничество с международными финансовыми институтами, во многом с этим обстоятельством была связана наступившая в российско-японских отношениях некоторая пауза. В Токио осознали, что нужно искать новую стратегию диалога с Россией.

Москва и евразийская дипломатия Токио

В начале 1996 г. премьер-министром Японии стал Р. Хасимото, которого можно отнести к редкому для Японии типу политика, обладающего лидерскими качествами и харизмой. В июле 1997 г. состоялось выступление Р. Хасимото в *Кэйдзай Доюкай* (Японская ассоциация исполнительных директоров), являющейся наряду с *Кэйданрэн* одной из наиболее влиятельных структур, представляющих интересы крупного бизнеса Японии. Речь премьер-министра была посвящена перспективам отношений с Россией, Китаем, а также с государствами центральноазиатской «пятерки» и Закавказья, отнесенными премьером к региону «Шелкового пути». Премьер-министр предложил выстраивать отношения с Россией на трех принципах. Принцип «доверия» предполагал искренние и дружеские отношения с партнером по переговорам – Б. Ельциным. Это сильно отличалось от традиционно настороженного, а иногда даже высокомерного отношения японского истеблишмента к советским и российским политикам³. Принцип «взаимной выгоды» предполагал отказ от «игр с нулевой суммой» в двусторонних отношениях. Принцип «долгосрочного подхода» предполагал формирование дружественных многоуровневых отношений, направленных в XXI в. Реализация вышеуказанных принципов должна была способствовать, по мнению японского премьера, выходу на решение наиболее сложной проблемы двусторонних отношений. Таким образом, подход «*иригутирон*» начал трансформироваться в «*дэгутирон*» (решение на «выходе»), предполагавший многотрековую повестку с целью создания благоприятной атмосферы для ре-

1 Гришачев 2015, 243.

2 Jung 2015, 265.

3 Известный советский дипломат О. Трояновский упоминает о том, что некорректное, даже развязное поведение японского премьер-министра К. Танака во время его визита в Москву в октябре 1973 г. способствовало созданию общей негативной атмосферы на его переговорах с советским руководством. Подробнее см.: Трояновский 2017, 264.

шения сложных политических вопросов. Как было отмечено выше, подобные принципы предлагались японскому правительству руководством СССР во второй половине 1980-х гг.¹

Вместо быстрого выхода на решение так называемой «территориальной проблемы», Р. Хасимото предложил обсуждать с Россией сотрудничество в экономической сфере и в области региональной безопасности, что в целом соответствовало базовому подходу Москвы к выстраиванию отношений с Токио еще во времена «нового мышления» М. Горбачева.

Появление данной концепции, часто упоминаемой как «евразийская дипломатия», было связано не только с личными взглядами Р. Хасимото, но и с осознанием в Токио того обстоятельства, что после завершения холодной войны их «экзистенциальные» проблемы в отношениях с Россией стали не столь интересны для Вашингтона. Проявления формальной поддержки японских территориальных претензий, безусловно, были. Например, в тексте японо-американской Совместной декларации по безопасности от 1996 г. говорилось о том, что «полная нормализация японо-российских отношений, основанных на Токийской декларации 1993 г., важна для мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе»².

Показательной в этом плане является история с присоединением России к форуму АТЭС. Япония дольше других стран не поддерживала российскую заявку, надеясь использовать эту ситуацию для нажима на Россию. США первоначально также были настроены против. Затем в Вашингтоне изменили позицию на противоположную. Р. Хасимото, понимая, что Японии теперь придется «вести игру в одиночку», предложил концепцию «евразийской дипломатии», способную, по его мнению, найти положительные отклики и в России. Что касается АТЭС, Токио дал согласие на присоединение России к форуму в ноябре 1997 г., перед самым началом саммита в Ванкувере.

Концепция «евразийской дипломатии» во многом создала предпосылки для проведения неформальных саммитов («встречи без галстуков») Б. Ельцина и Р. Хасимото в ноябре 1997 г. под Красноярском (резиденция «Сосны») и в апреле 1998 г. в японском курортном городе Кавана. Между лидерами России и Японии действительно возникла глубокая личная симпатия. Российский президент даже внес предложение заключить мирный договор к 2000 г., выглядевшее скорее экспромтом, что несколько озадачило его партнера. Схожая ситуация возникла и в сентябре 2018 г., когда С. Абэ в своем выступлении и последующем интервью в ходе пленарного заседания Восточного экономического форума призвал В. Путина подтвердить намерение двигаться к заключению мирного договора. В ответ В. Путин предложил С. Абэ заключить до конца 2018 г. мирный договор без предварительных условий. Продолжая свою мысль о заключении мирного договора с Японией, В. Путин сказал: «А потом на основе этого мирного договора, как друзья, продолжим решать все спорные вопросы. Разумеется, мне

1 Хроника внешнеполитических событий в СССР, 1986 г. // Горбачев Фонд. 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29323/ (дата обращения: 06.04.2021).

2 "Japan-U.S. Joint Declaration On Security- Alliance For The 21st Century," Ministry of Foreign Affairs of Japan, April 17, 1996, accessed May 8, 2020, <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/security.html>.

кажется, что это облегчило бы нам решение всех проблем, с которыми мы не можем справиться на протяжении 70 лет». По словам В. Путина, эта мысль пришла ему в голову спонтанно. «70 лет мы ведем переговоры. С. Абэ сказал: давайте поменяем подходы. Давайте»¹. С. Абэ на тот момент не нашел что ответить.

Согласие Р. Хасимото не акцентировать в Красноярске внимание на вопросах, затрагивающих российский суверенитет над Южными Курилами, вызвало положительную реакцию у российских партнеров. В Каване к этой теме вернулись, и японская сторона снова предложила использовать принцип «отложенного суверенитета» в отношении островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Принципиально новой стала идея Р. Хасимото подходить к вопросу вокруг Южных Курил не как к территориальному спору, а как к вопросу о пограничном размежевании, что было вполне приемлемо для Москвы. Впоследствии российские официальные лица и эксперты стали активно использовать новую терминологию². К сожалению, период пребывания Р. Хасимото на посту премьер-министра оказался недолгим: в июле 1998 г. он был вынужден подать в отставку из-за фиаско возглавляемой им партии на выборах. Его преемником на посту премьер-министра стал К. Обути, не обладавший такими лидерскими качествами, как у его предшественника, но в целом разделявший его взгляды.

К. Обути посетил Россию в ноябре 1998 г., когда российская сторона выдвинула новое предложение заключить договор о мире и дружбе до 2000 г., после чего в более благоприятных условиях перейти к работе над проектом договора о границе. Идея «промежуточного договора» к тому моменту также была не нова: еще в январе 1978 г. СССР передал японской стороне проект Договора о добрососедстве и сотрудничестве, предполагавший дальнейшие переговоры по мирному договору. Советское предложение тогда было оставлено без ответа³.

По итогам визита К. Обути была подписана Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией (далее – Московская декларация). В документе подтверждалась «решимость прилагать все усилия с целью заключения мирного договора к 2000 г.», а также в качестве важнейшей задачи двусторонних отношений было провозглашено «установление долгосрочного созидательного партнерства на базе принципов доверия, взаимной выгоды, долгосрочной перспективы и тесного экономического взаимодействия». В отдельный блок была выделена кооперация в международных делах (глобальные вопросы и азиатско-тихоокеанская проблематика).

31 декабря 1999 г. Б. Ельцин объявил о своей отставке с поста президента России, назначив В. Путина премьер-министром и исполняющим обязанности главы государства. В. Латышев отмечает, что японские эксперты впоследствии признавали, что после неожиданного выбора Б. Ельциным В. Путина в качестве своего преемника на посту президента никто из политиков и высокопоставленных чиновников в Токио не имел представления о взглядах будущего российского лидера на мировую политику и на российско-японские отношения в частно-

1 Трудный мир, развитие Дальнего Востока и суперколыцо. О чем говорили на ВЭФ в среду // ТАСС информационное агентство. 12 сентября 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/vef-2018/articles/5558389> (дата обращения: 15.09.2018).

2 Bukh 2011; Zagorsky 1999, 349; Brown 2011.

3 Стрельцов 2015, 229; Kuroiwa 2011.

сти. В Токио помнили о визите В. Путина в Японию в 1995 г. в качестве вице-мэра Санкт-Петербурга для участия в одном из симпозиумов¹. Вместе с тем вскоре будет понятно, что у В. Путина имелся глубокий интерес к Японии, начавший формироваться, по всей видимости, когда еще в школьные годы будущий президент занимался борьбой дзюдо. Впоследствии некоторые термины из этого вида спорта, например «хикивакэ» (ничья), благодаря В. Путину войдут и в лексикон международных отношений².

Рабочие контакты между К. Обути и В. Путиным были установлены уже в январе. Однако 2 апреля К. Обути был госпитализирован с тяжелой болезнью и спустя несколько дней скончался. Новый премьер-министр Японии Е. Мори с большой симпатией относился к России, что во многом было связано с его семейными традициями. Его отец С. Мори был полковником императорской армии Японии, причем существуют две версии его послевоенной биографии. Согласно одной из них, С. Мори несколько лет провел в лагерях военнопленных под Иркутском. Как и многие японцы, пережившие советский плен, С. Мори по возвращении в Японию стал активным сторонником развития связей с СССР, считая его своей «второй родиной»³. По другой версии, интерес к СССР у С. Мори возник в 1959 г., когда, будучи мэром японского города Нэагари, он посетил Россию. На него произвело положительное впечатление состояние мест захоронений японских военнопленных в районе Иркутска (город Шелехов). С. Мори прилагал значительные усилия для установления побратимских связей между городами Иркутской области и префектуры Исикава, а часть своего праха он завещал похоронить на кладбище Шелехова, что и было сделано в 1991 г. Е. Мори неоднократно подчеркивал, что считает своим долгом продолжить дело отца. Свою первую зарубежную поездку в качестве премьер-министра Е. Мори совершил не в США, как обычно делали его предшественники, а в Россию. 28–29 апреля 2000 г. состоялась неформальная встреча Е. Мори и исполнявшего обязанности Президента России В. Путина в Санкт-Петербурге, в ходе которой была согласована дата визита В. Путина в Японию.

Визит состоялся с небольшой задержкой (вместо конца августа – 3–5 сентября), но сопровождавшая российского президента делегация была беспрецедентно представительной. В Совместном заявлении о взаимодействии России и Японии в международных делах Россия выразила поддержку кандидатуры Японии для вступления в постоянные члены Совета Безопасности ООН. Были подписаны Программа углубления сотрудничества в торгово-экономической области между странами, фактически давшая старт началу энергетической дипломатии, а также документы о сотрудничестве по линии пограничных ведомств и в правоохранительной сфере. Значительный резонанс вызвало то обстоятельство, что В. Путин впервые признал действенность Советско-японской декларации 1956 г. в полном объеме, что было подтверждено на брифинге для журналистов. Вместе с тем в итоговое заявление президента России и премьер-министра Японии по

1 Латышев 2005, 61.

2 Подробнее см.: Dian, Kireeva 2021, 12.

3 Японию возглавил политический тяжеловес. Его масса 100 кг // Коммерсант. 6 апреля 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/144633>. (дата обращения: 06.04.2021).

проблеме мирного договора это признание не было включено. Позже В. Путин и Е. Мори встретились в ноябре 2000 г. на саммите АТЭС, где договорились провести неформальную встречу в Иркутске весной 2001 г.

В то же время на прогресс в российско-японских отношениях повлиял личностный фактор, связанный с Е. Мори. Этот японский политический «тяжеловес», до настоящего времени сохраняющий свое влияние в ЛДП, принадлежит к классическому для японской внутренней политики типу «серого кардинала», умеющего поддерживать баланс интересов между различными внутрипартийными группами. Проблема этого типа политиков состоит в том, что пребывание в должности премьер-министра часто становится для них слишком тяжелым испытанием, поскольку «выход из тени» (например, коммуникации со СМИ) дается им весьма сложно. К сожалению, карьерная траектория Е. Мори складывалась по этой схеме. Сторонники «традиционного подхода» (жесткой линии) в отношении России по вопросу мирного договора, сохранявшие значительное влияние в ЛДП, воспользовались невнятной реакцией Е. Мори на произошедшее 9 февраля 2001 г. столкновение американской атомной субмарины и японского учебного судна, сопровождавшееся гибелью нескольких курсантов. Неформальная встреча 25 марта Е. Мори и В. Путина в Иркутске происходила в ситуации, когда досрочная отставка Е. Мори с поста премьера выглядела уже решенным делом. С. Хакамада, профессор университета Аояма Гакуин, считающийся экспертом по России, полагал, что В. Путину не было смысла вести серьезные переговоры с политической «хромой уткой»¹.

В принятом по итогам встречи Иркутском заявлении президента России и премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора впервые была упомянута Декларация 1956 г. Стороны согласились с тем, что она «представляет собой базовый юридический документ, положивший начало процессу переговоров о заключении мирного договора после восстановления дипломатических отношений между нашими странами».

Возвращение Токио к «жесткой линии»

В 2001 г. среди претендентов на должность премьер-министра Японии рассматривался и Р. Хасимото, однако главой правительства стал Дз. Коидзуми. Новый премьер-министр обладал политической харизмой, серьезными амбициями, подкрепленными выдающимися для японской политической культуры лидерскими качествами. Этот политик, в отличие от своего предшественника на этом посту, не испытывал каких-либо сантиментов по отношению к России, не скрывал приверженности принципу «Четыре острова – единое целое», был принципиальным сторонником ориентации на сотрудничество с США в вопросах внешней политики. «Евразийская дипломатия» Р. Хасимото, на которую ориентировались К. Обути, Е. Мори при выстраивании отношений с Россией, как казалось, будет надолго «положена под сукно».

1 "Mori-Putin Summit Expectations Low," The Japan Times, March 24, 2001, accessed April 2, 2021, [http:// www.japantimes.co.jp/news/2001/03/24/national/mori-putin-summit-expecnations-low](http://www.japantimes.co.jp/news/2001/03/24/national/mori-putin-summit-expecnations-low).

Новым стимулом для оживления диалога между Россией и Японией стала активизация российско-китайского сотрудничества в сфере энергетики по проекту нефтепровода в Восточной Сибири (Ангарск – Дацин). Здесь во многом сработала логика «переманивания невесты» в японо-китайском соперничестве. В Токио начали по различным каналам, особенно через деловые круги, продвигать варианты своего участия в проекте при условии выбора основного маршрута в направлении порта Находка. В поддержке маршрута «Ангарск – Находка» решил лично принять участие и глава японского правительства. Впрочем, интерес Японии к сотрудничеству с Россией в нефтегазовой сфере не следует сводить только к китайскому фактору. Для Японии важно, что маршруты поставок энергоресурсов через российский Дальний Восток, несмотря на наличие короткого морского сегмента маршрута, являются намного более короткими и безопасными, чем танкерные перевозки с Ближнего Востока¹.

Также Дз. Коидзуми рассчитывал и на содействие России по северокорейскому досье: японскую сторону интересовали новые каналы для прояснения судеб японских граждан, похищенных северокорейскими спецслужбами и объявленными Пхеньяном «умершими при различных обстоятельствах». После того как в 2002 г. Ким Чен Ир признал факт подобных похищений, общественная дискуссия вокруг результативности действий японского правительства по этому направлению стала важным элементом японской внутривластной повестки.

Визит Дз. Коидзуми в Москву состоялся 9–11 января 2003 г., начавшись с посещения Театрального центра на Дубровке с целью возложения траурного букета в память о жертвах террористического акта. Главным результатом визита стало Совместное заявление о принятии Российско-японского плана действий (далее – План действий), фактически являвшегося весьма детальной дорожной картой российско-японских отношений по шести направлениям: политический диалог, переговоры по мирному договору, сотрудничество на международной арене, торгово-экономическое сотрудничество, культурные и гуманитарные обмены, а также сотрудничество по линии оборонных и правоохранительных ведомств (противодействие терроризму, содействие японской стороны в утилизации выведенных из состава российского флота атомных субмарин). В отношении вопроса мирного договора были применены достаточно обтекаемые формулировки, которые можно было рассматривать скорее как декларацию о намерениях. Таким образом, сторонник «жесткой линии» в отношении России также примирился с двухтрековой повесткой, а отношения скорее вернулись в русло «дзугутирон».

В июне 2003 г. Е. Мори в качестве специального посланника Дз. Коидзуми прибыл в Москву и передал В. Путину приглашение посетить Японию с официальным визитом. На полях состоявшегося в июне 2004 г. саммита «Большой восьмерки» на острове Си Айленд (Джорджия, США) В. Путин и Дз. Коидзуми договорились о том, что президент России посетит Японию в начале 2005 г. Стороны

1 В настоящее время Россия осуществляет поставки нефти через трубопровод ВСТО-2 в Японию и страны Юго-Восточной Азии, однако их объем в японском импорте сырой нефти является незначительным (порядка 4 %). Одним из препятствий к наращиванию объема поставок сибирской нефти являются технические трудности, связанные с ее извлекаемостью. Подробнее см.: Yenni-Lindgren 2018, 155.

планировали приурочить визит к 150-летию подписания Симодского трактата в 1855 г.¹ Однако В. Путин прибыл в Японию 20 ноября 2005 г. Перенос даты визита В. Путина в Японию, по всей видимости, был связан с тем обстоятельством, что дипломаты двух стран прилагали все усилия по созданию возможностей для выхода на подписание мирного договора или другого сопоставимого по значимости документа между Россией и Японией. Знаковые исторические даты, связанные с Симодским трактатом и приближавшимся пятидесятилетним юбилеем Декларации 1956 г., создавали бы для подписания подобных договоренностей благоприятный общий фон, а высокие рейтинги находящегося в начале второго президентского срока В. Путина и заканчивающего свое пребывание на посту премьер-министра Дз. Коидзуми способствовали бы созданию необходимой для этого политической атмосферы. Однако выйти на компромисс стороны, по всей видимости, так и не смогли.

С. Абэ, сменивший в сентябре 2006 г. Дз. Коидзуми на посту премьер-министра Японии, был вынужден сосредоточить свои усилия на китайском направлении внешней политики, поскольку отношения с Пекином оказались в состоянии «заморозки» из-за таких демонстративно недружественных действий его предшественника, как, например, участие в церемониях в синтоистском святилище Ясукуни. Первая личная встреча С. Абэ и В. Путина произошла на саммите АТЭС в Ханое в ноябре 2006 г. Однако уже в сентябре 2007 г., сославшись на серьезные проблемы со здоровьем, С. Абэ заявил о своей досрочной отставке. Впрочем, в декабре 2012 г. этот политик с триумфом вернется на пост главы правительства Японии.

В период между первым и вторым кабинетами С. Абэ японская внешняя политика имела ситуативный, реактивный характер не только на российском направлении, но и в целом. К заметным событиям стоит отнести состоявшееся в феврале 2009 г. посещение премьер-министром Т. Асо по приглашению президента России Д. Медведева острова Сахалин с целью участия в церемонии по открытию первого в стране завода по производству сжиженного газа. В апреле 2009 г. в японских СМИ появилось вызвавшее значительный резонанс интервью спецпредставителя правительства по внешней политике С. Яти о возможности раздела Южных Курил исходя из их общей площади. Вполне вероятно, что высокопоставленный чиновник от своего имени озвучил идею Т. Асо, но премьер-министр публично этот подход не поддержал. 11 июня 2009 г., накануне парламентских выборов в Японии, ее парламент принял поправки к закону «О специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий», что не осталось без должной оценки со стороны Федерального Собрания Российской Федерации.

В сентябре 2009 г., как отмечалось выше, главой нового правительства стал Ю. Хатояма – лидер Демократической партии. Его дед И. Хатояма, один из основателей ЛДП, будучи премьер-министром в 1954–1956 гг., лично участвовал в финальном раунде переговоров по нормализации отношений с СССР,

1 "Putin Agrees to Visit Japan in early 2005." The Japan Times, June 11, 2004, accessed May 20, 2021, <https://www.japantimes.co.jp/2004/06/11/announcements/putin-agrees-to-visit-japan-in-early-2005/>.

состоявшемся осенью 1956 г. в Москве. Однако, потратив значительную долю своего политического капитала на попытку выполнения своего предвыборного обещания, связанного с решением вопроса о передислокации одной из американских баз на Окинаве, в июне 2010 г. Ю. Хатояма ушел в отставку¹. Его преемники на посту премьер-министра, соратники по Демократической партии, были «фигурами компромисса».

В сентябре 2010 г. состоялся визит президента России Д. Медведева на Кунашир, после чего ряд высокопоставленных российских чиновников посетили Кунашир и Итуруп. Д. Медведев стал первым со времен СССР руководителем, посетившим Курильские острова. Реакция японской стороны ожидаемо была подчеркнута негативной.

Россия и «эпоха Абэ»

В том, что С. Абэ, вернувшийся, как отмечалось выше, на пост премьера Японии в конце 2012 г., обозначил достижение качественного сдвига в отношениях с Россией одной из главных тем своей политической повестки, нельзя недооценивать личностный фактор и семейные традиции. Его отец, Синтаро Абэ, политик, имевший в Японии безупречную репутацию, на посту министра иностранных дел успел сделать немало для улучшения отношений между Россией и Японией, даже будучи уже смертельно больным человеком. В апреле 2013 г. С. Абэ впервые посетил Москву. По итогам переговоров стороны признали «ненормальным» отсутствие мирного договора, в июне того же года начались консультации на уровне заместителей министров иностранных дел по вопросу мирного договора. В ноябре 2013 г. состоялась первая встреча руководителей оборонных и внешнеполитических ведомств России и Японии. Указанный формат переговоров, часто упоминаемый как «два плюс два», ранее использовался Токио только для консультаций с Вашингтоном и привилегированными западными партнерами². С. Абэ продолжил развивать и реализовывать многое из предложенных в свое время подходов Р. Хасимото к отношениям с Россией, встраивая переговоры с Россией по мирному договору в рамки значительно более широкого диалога, причем не только по тематике экономического сотрудничества, гуманитарных обменов, но и по проблемам региональной безопасности.

В марте 2014 г. в Японии стали усиливаться позиции сторонников ориентации на курс Вашингтона в отношении России, которые С. Абэ не мог игнорировать, при этом и администрация Б. Обамы начала нажим на Токио. Японское правительство объявило о санкционных ограничениях в отношении России: были приостановлены консультации по облегчению визового режима, отложены переговоры по ряду проектов, предполагавших подписание соглашений об инвестиционном сотрудничестве, о кооперации в космической сфере, о предотвращении опасной военной деятельности. Является весьма распространенным мнение о том, что японские санкции имели скорее символический характер и

1 Панов et al. 2019, 355.

2 Моргулов: формат 2+2 с Японией – это привилегированная форма диалога // РИА Новости. 30 октября 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20131030/973610725.html> (дата обращения: 03.04.2021).

являлись способом лавирования между политикой партнеров по «Группе семи» и нежеланием обострять отношения с Россией. Однако Д. Стрельцов полагает, что решение Японии об участии в санкциях было продиктовано не только соображениями «западной солидарности», но и в контексте ее собственных интересов в Восточной Азии. Это связано с озабоченностью Токио напористостью Пекина по территориальным спорам с соседями, в первую очередь претензиями на острова Сэнкаку / Дяоюйдао. Нейтральная позиция Токио по ситуации вокруг Крыма была бы воспринята как доказательство отсутствия у Токио принципиальности в вопросах перекройки границ¹. Впрочем, в мае 2014 г. «Газпром» и китайская *CNPC* подписали контракт стоимостью 400 млрд долларов о поставке российского газа в Китай, срок действия соглашения рассчитан на 30 лет. Для Японии российско-китайское энергетическое сотрудничество является намного более чувствительным вопросом, чем для ее партнеров по «Группе семи»². По мере того как становилась очевидной достаточно высокая устойчивость российской экономики к санкционному давлению, С. Абэ решил действовать без особой оглядки на администрацию Б. Обамы, поскольку ухудшение региональной среды безопасности в Восточной Азии вышло на неприемлемый для Токио уровень. Начавшаяся в США одна из наиболее драматичных и противоречивых президентских кампаний в истории этой страны привела к снижению транспарентности американской внешней политики в целом. В результате правительство С. Абэ столкнулось с необходимостью поиска новых точек опоры в регионе, рассматривая при этом и Россию в качестве возможного партнера.

В мае 2016 г. премьер-министр Японии С. Абэ прибыл в Сочи с неофициальным визитом, предложив В. Путину план из 8 пунктов, предусматривающий активизацию сотрудничества в сферах энергетики (включая ядерную), здравоохранения, урбанистики, гуманитарных обменов, высоких технологий, а также содействие в индустриальном развитии российского Дальнего Востока. М. Крылов предположил, что С. Абэ предложил В. Путину формулу Московской декларации 1956 г. («договор плюс два острова») в увязке с определенными условиями. Платой за российские уступки в рамках этого варианта выступал экономический пакет. Платой за японские – возможные оговорки о статусе Кунашира и Итурупа. Если это предположение соответствовало действительности, то в этот раз уже в Токио прибегли к пресловутой формуле «два плюс альфа»³.

В июне 2016 г. возобновились консультации глав дипломатических ведомств по вопросу заключения мирного договора. Несмотря на не слишком внятные попытки администрации Б. Обамы убедить японского премьера отказаться от следующей встречи с президентом России, визит В. Путина в Японию состоялся в декабре 2016 г., во время которого стороны достигли предварительной договоренности по совместной хозяйственной деятельности на Курильских островах. Инициатива в этом вопросе исходила от Японии, но В. Путин подчеркнул, что подобная деятельность будет вестись исключительно в рамках российского

1 Стрельцов 2020, 70.

2 Richardson 2017, 19.

3 О каком новом подходе договорились Путин и Абэ // Московский Центр Карнеги. 11 мая 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/63547> (дата обращения: 11.04.2021).

правового поля¹. Впрочем, план совместного экономического освоения спорных территорий предлагался еще в 1996 г. Е. Примаковым, занимавшим на тот момент пост министра иностранных дел, когда в ходе своего визита в Токио он официально представил японской стороне концепцию совместной хозяйственной деятельности на спорных островах². В Токио, видимо, решили воспользоваться этой идеей.

В дальнейшем российско-японские контакты приобрели регулярный характер (к 2020 г. число встреч лидеров двух стран приблизится к трем десяткам). Помимо общения на высшем уровне в марте 2017 г. возобновились встречи в формате «два плюс два». В ноябре и декабре 2017 г. Японию посетили главнокомандующий сухопутными войсками России генерал-полковник О. Салюков и начальник Генерального штаба Вооруженных сил России В. Герасимов. «Пиковой точкой» российско-японского сближения стала встреча в Сингапуре в ноябре 2018 г., где лидеры договорились активизировать переговоры по мирному договору, основываясь на советско-японской совместной Декларации 1956 г. В этом документе четко прописано, что острова Шикотан и Хабомаи будут переданы Японии после заключения мирного договора.

Хотя Д. Трамп, ставший в начале 2017 г. главой Белого дома, дал С. Абэ значительную свободу действий на российском направлении, переговоры по вопросу мирного договора не были исключительно двусторонним вопросом³. Россия могла рассматривать варианты каких-либо компромиссов по острову Шикотан и гряде Хабомаи только в случае юридических гарантий, что там никогда не окажутся войска США, а также какие-либо объекты, имеющие отношение к японо-американской ПРО. Однако этот вопрос уже не был исключительно в японской компетенции, хотя С. Абэ в 2018 г. и заверил В. Путина, что в том случае, если Россия передаст Японии эти острова, там никогда не будет американских военных баз. Сценарий, при котором США могут начать терять интерес к военно-политическому сотрудничеству с Японией из-за его асимметричного характера, рассматривался скорее как элемент «торга» администрации Д. Трампа со своими союзниками⁴.

В 2020 г. российско-японские отношения развивались уже разнонаправленно. Свой вклад в это внесла, безусловно, пандемия COVID-19, лишившая, помимо прочего, Токио и возможности провести в 2020 г. летнюю Олимпиаду, но для охлаждения в отношениях имелись и другие причины.

Сдерживающие факторы

Большая часть японской политической элиты разделяет господствующий на Западе взгляд, согласно которому Россия «бросает вызов постбиполярному мировому порядку» во главе с США, и что даже с учетом заявлений российского руководства о развороте на Восток, на практике азиатский вектор российской

1 Жителей Курил излечит японская медицина. СМИ: Япония предложит России план совместной деятельности на Курилах // Газета.Ru. 26 февраля 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/02/26_a_10544759.shtml (дата обращения: 12.04.2021).

2 Москва пока предлагает торговать, а не торговаться // Газета «Коммерсантъ» № 196 от 16.11.1996, с. 4.

3 "Resetting Japan-US Relations / Challenges for a New Prime Minister," The Diplomat, October 7, 2020, accessed April 2, 2021, <https://thediplomat.com/2020/10/resetting-japan-russia-relations/>.

4 Нелидов 2019, 70.

политики продолжает играть в общей стратегии Москвы роль, подчиненную ее интересам на евроатлантическом пространстве. Правительство С. Абэ активно подвергалось критике за то, что действовало в отношениях с Россией недостаточно осмотрительно.

С точки зрения Москвы, серьезным препятствием для развития сотрудничества с Токио является военный союз США и Японии (в частности, участие Токио в глобальной системе ПРО США). Хотя в Токио подчеркивают, что размещенные на японской территории объекты ПРО обслуживаются исключительно персоналом Сил самообороны и термин «японо-американская ПРО» является некорректным, координация между США и Японией по противоракетной проблематике достигла такого уровня, что автономной от США японской ПРО не существует по факту. Вышеупомянутый термин, кстати, широко используется в публикациях американских экспертов. Кроме того, с 2008 г. Япония участвует в совместной с США разработке новой модификации противоракеты SM-3 – SM-3 Block IIA, которая, по информации из источников Пентагона, прошла успешные испытания и будет использоваться также в наземных системах ПРО, размещаемых США на территории Восточной Европы.

Слишком резкий поворот российского руководства в сторону Токио мог быть воспринят с определенной настороженностью в Китае, ставшем сегодня главным оппонентом США и Японии в Восточной Азии. «План экономического развития из восьми пунктов», как отмечает В. Нелидов, не привел к существенной активизации российско-японских экономических связей, уступающих по своей интенсивности не только сотрудничеству Москвы с Пекином, но и, например, с Сеулом. «Совместная хозяйственная деятельность на Южных Курилах свелась к скромным пилотным проектам»¹.

Заключение

После внесения в июле 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации, по всей видимости, завершается почти тридцатилетняя эпоха в отношениях России и Японии, в которой запросы Токио на получение территориальных уступок со стороны России являлись одной из неотъемлемых составляющих двусторонней повестки.

Тем не менее из заявлений премьер-министра Японии Е. Суга и его министров можно сделать вывод, что в Токио продолжают думать о том, что точка в вопросе их претензий в отношении Южных Курил еще не поставлена. Оптимизм японских политиков может быть здесь связан и с упоминанием в обновленной российской конституции возможности делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы. В этом случае Токио придется продолжать вести игру «в долгую», сосредоточившись на развитии отношений с государствами, которые признаются Японией дружественными – прежде всего с членами НАТО. Вместе с тем геополитическая ситуация, сложившаяся после завершения холод-

1 Нелидов, В.В. Российско-японские отношения в 2020 г.: есть ли надежда на лучшее? // Говорят эксперты МГИМО. 22 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/rossijsko-yaponskie-otnosheniya-v-2020-godu-est-li-nadezhda-na-luchshee/> (дата обращения: 12.04.2021).

ной войны, продемонстрировала японским политикам, что на действенное участие западных партнеров в борьбе за оспаривание российского суверенитета над Южными Курилами рассчитывать не приходится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С.В. Гришачева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – 336 с.
- Grishachev S.V., ed. *Istoriya rossiisko-yaponskikh otnoshenii: XVIII – nachalo XXI veka: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov*. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015 [In Russian].
- Катасонова, Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. – М.: Институт востоковедения РАН – «Крафт», 2003. – 432 с.
- Katasonova, Elena L. *Yaponskie voennoplennyye v SSSR: bol'shaya igra velikikh derzhav*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN – “KraFT”, 2003 [In Russian].
- Кузьминков, В.В. К истории территориального размежевания между Россией и Японией: японский взгляд. – М.: ИДВ РАН, 2016. – 304 с.
- Kuzminkov, Vladimir V. *K istorii territorial'nogo razmezhevaniya mezhdu Rossiei i Yaponiei: yaponskii vzglyad*. Moscow: IDV RAN, 2016 [In Russian].
- Латышев, И.А. Путин и Япония. Будут ли уступки? 2000–2005. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. – 416 с.
- Latyshev, Igor A. *Putin i Yaponiya. Budut li ustupki? 2000–2005*. Moscow: Izd-vo Ehksmo, Izd-vo Algoritm, 2005 [In Russian].
- Нелидов, В.В. Российско-японские двусторонние отношения: пределы сближения // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2019. – № 2. – С. 65 – 82. <https://doi.org/10.24411/2686-7702-2019-10012>.
- Nelidov, Vladimir V. “Russian-Japanese Bilateral Relations: Limits of Rapprochement.” *East Asia: Facts and Analytics*, no. 2 (2019): 192–208 [In Russian].
- Панов, А.Н. Клан Хатояма. Потрет семьи на фоне истории Японии. – М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 224 с.
- Panov, Aleksandr N. *Klan Khatoyama. Potret sem'i na fone istorii Yaponii*. Moscow: ZAO OLMA Media Grupp, 2010 [In Russian].
- Панов, А.Н. Россия и Япония: становление и развитие отношений в конце XX – начале XXI века (достижения, проблемы, перспективы). – ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента РФ, 2007. – 311 с.
- Panov, Aleksandr N. *Rossiya i Yaponiya: stanovlenie i razvitie otnoshenii v kontse XX – nachale XXI veka (dostizheniya, problemy, perspektivy)*. FGUP Izdatel'stvo “Izvestiya” Upravleniya delami Prezidenta RF, 2007 [In Russian].
- Панов, А.Н., Саркисов, К.О., Стрельцов, Д.В. История внешней политики Японии 1868–2018 гг. – М.: Международные отношения, 2019. – 456 с.
- Panov, Aleksandr N., Sarkisov, Konstantin O., Strel'tsov, Dmitrii V. *Istoriya vneshnei politiki Yaponii 1868–2018 gg*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019 [In Russian].
- Стрельцов, Д., Лукин, А. Российско-японские отношения через призму теории // Международные процессы. – 2017. – №2. – С. 44–63. <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.2.49.3>.
- Strel'tsov, Dmitriy V., and Artem L. Lukin. “Russia-Japan Rapprochement Through the Lens of IR Theory. Neo-Classical Realism, Constructivism and Two-Level Games.” *International Trends / Mezhdunarodnye Protsessy* 15, no. 2 (49) (April–June 2017) [In Russian].
- Стрельцов, Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – Институт Востоковедения РАН; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – М.: Вост. лит., 2015. – 279 с.
- Strel'tsov, Dmitrii V. *Vneshnepoliticheskie priorityety Yaponii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione*. Moscow: Vost. lit., 2015 [In Russian].
- Стрельцов, Д.В. Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития. // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – № 13(3). С. 68–85. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-3-72-68-85>.
- Strel'tsov, D. V. “Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors.” *MGIMO Review of International Relations* 13, no. 3 (2020): 68–85 [In Russian].
- Тихвинский, С.Л. Избранные произведения в 5 кн. – М.: Наука, 2006.. (Кн. 4. Отечественная и всемирная история: Великая Отечественная война, внешняя политика и международные отношения). – 561 с.
- Tikhvinskii, Sergei L. *Izbrannyye proizvedeniya v 5 kn*. M.: Nauka, 2006. (Kn. 4. *Otechestvennaya i vseмирnaya istoriya: Velikaya Otechestvennaya voyna, vneshnyaya politika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2006 [In Russian].
- Трояновский, О.А. Через годы и расстояния. История одной семьи. – М.: Центрполиграф, 2017. – 351 с.
- Troyanovskiy, Oleg A. *Cherez gody i rasstoyaniya*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017 [In Russian].
- Bukh, Alexander. *Japan's National Identity and Foreign Policy*. London: Routledge, 2011.
- Burrett, Tina. “National Interests Versus National Pride: The Russo-Japanese Northern Territories Dispute.” *Problems of Post-Communism* 61, no. 5 (2014): 14–31. <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216610502>
- Dian, Matteo, and Anna Kireeva “Wedge Strategies in Russia-Japan Relations.” *The Pacific Review*, February 18, 2021, 1–31. <https://doi.org/10.1080/09512748.2021.1887331>.
- Brown, James D.J. “Great East Japan Earthquake and Russian-Japanese relations.” *Post-Soviet Affairs* 29, no. 3 (2013): 197–236. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.786552>.
- Jung, Giwoong, Seok Sang Yoon, and Sung Hoon Jeh. “Why Japan and Russia have Failed to Solve the Territorial Dispute: The 1956 Joint Declaration and the Mechanism of Political Coherence.” *Asia Europe Journal* 14, no. 3 (2016): 261–278. <https://doi.org/10.1007/s10308-015-0439-5>.
- Kuroiwa, Yukiko. “Northern Challenges: The Japan-Russia Border Dispute and Local Voices.” *Journal of Borderlands Studies* 26, no. 3, (2011): 283–295. <https://doi.org/10.1080/08865655.2011.686970>.

Richardson, Paul B. "Geopolitical Cultures, Pragmatic Patriotism, and Russia's Disputed Islands." *Eurasian Geography and Economics* 59, no. 1 (2018): 7–27. <https://doi.org/10.1080/15387216.2017.142147>.

Rozman, Gilbert "Unanswered Questions about Japan-Russia Relations in 2017." *Asia-Pacific Review* 24, no. 1 (2017): 74–94. <https://doi.org/10.1080/13439006.2017.1320161>.

Yenni-Lindgren, Wrenn. "New Dynamics in Japan-Russia Energy Relations 2011–2017." *Journal of Eurasian Studies* 9, no. 2 (2018): 152–164. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.06.002>.

Zagorsky, Alexei. "Russian-Japanese Relations: Back to Deadlock." In *The Russia and Asia. The Emerging Security Agenda*, edited by Gennady Chufurin, 318–336. Stockholm International Peace Research Institute, Oxford University Press, 1999.

Сведения об авторе

Олег Геннадьевич Парамонов,

к.ист.н., старший научный сотрудник, Центр исследований Восточной Азии и ШОС, Институт международных исследований, МГИМО МИД России, проспект Вернадского, 76, Москва, 119454.

e-mail: paramonov_og@rambler.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 31 апреля 2021.

Переработана: 10 июня 2021.

Принята к публикации: 29 июня 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Парамонов, О.Г. Российско-японские отношения на рубеже веков: закономерности, маршруты, лидеры // *Международная аналитика*. – 2021. – Том 12 (2). – С. 107–129. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-107-129>

Russian–Japanese Relations at the Turn of the Century: Patterns, Routes, Leaders

ABSTRACT

This article analyzes why, during the post-Cold War period, Tokyo became aware of the need to reconsider its hard-line relations with Moscow, which had been developed in previous decades. Even in the period preceding the collapse of the USSR, Tokyo did not conceal its intentions to use the difficult socio-economic situation in the USSR and then in Russia to obtain territorial concessions.

Even then, however, the Russian side mostly determined the agenda of the Russian-Japanese dialogue, which was largely due to serious mistakes made by Japanese politicians. After Russia emerged from the economic and political turbulence that began unexpectedly for the West and Japan in the 2000s, Tokyo's new hopes were connected with concessions on the "territorial case" because of Russia's interest in Japanese investments and technological cooperation, especially for the development of the Far East and adjacent areas. Nevertheless, even here Tokyo faced a fiasco. Before the arrival of the Abe era in late 2012, Japan's foreign policy toward Russia became increasingly "reactive," and even later Tokyo's high-profile initiatives related to the Russian-Japanese agenda often turned out to be old proposals from Moscow that had been made during the time of Michael Gorbachev, and favorable moments for their implementation were largely missed.

KEYWORDS

Russia–Japan relations, Eurasian Diplomacy, South Kurils, two plus alpha

Author

Oleg G. Paramonov,

PhD (History), Senior Research Fellow, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454, Russian Federation.

e-mail: paramonov_og@rambler.ru

Additional information

Received: April 31, 2021. Revised: June 10, 2021. Accepted: June 29, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Paramonov, Oleg G. "Russian–Japanese Relations at the Turn of the Century: Patterns, Routes, Leaders."

Journal of International Analytics 12, no. 2 (2021): 107–129.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-107-129>